

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 27.01.2012

Номер выпуска: 11-13

Заглавие: Вишневый сад

Автор: Е. Шапочка

«Коль скоро не в силах создать нового, не разрушайте старого. Прежде узнайте жизнь, а потом отрицайте ее устои, а то узнаете, да поздно, когда наделаете себе и другим пакостей; вам будет стыдно за то, что вы теперь считаете подвигом».

Инспектор таганрогской гимназии Александр Федорович Дьяконов.

«... Мальчик лет девяти, с темным от загара и мокрым от слез лицом» ехал вместе с дядей Кузьмичевым в город учиться в гимназии. Он всматривался в знакомые места и чувствовал себя несчастным. Промелькнули острог, кузницы, зеленое кладбище, «обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами. Егорушка вспомнил, что когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море».

Глазами Егорушки из повести «Степь» на красоту вишневых деревьев смотрел Антон Павлович Чехов. Образ сада, ставший символом в пьесе, запечатлелся у Чехова с детства. Прекрасные вишневые сады будущий писатель видел в окрестностях имения графа Платова Больше-Крепинская, когда ездил к своему дедушке Егору Михайловичу в гости, а также во время поездки по южнорусской степи в имение своих знакомых Кравцовых (хутор Рагозина Балка в нынешней Луганской области) весной 1887 года. Мария Дросси-Стейгер, сестра гимназического товарища Чехова, вспоминала, что ее мать Ольга Михайловна в молодые годы была помещицей в Миргородском уезде Полтавской губернии, богатом вишневыми садами, и рассказывала юному Чехову об этих садах. Позже, по прочтении пьесы «Вишневый сад», Марии казалось, что в пьесе воссоздан образ сада со слов ее матери. Несомненно одно: и звук сорвавшейся в шахте бадьи, который пугает героев пьесы, и образ прекрасного цветущего сада ведут свое начало из юности Чехова.

В пьесе интеллигентный купец из мужиков Лопехин вытесняет из дома дворян - Раневскую и Гаева и начинает рубить вишневый сад, хотя описание последнего упоминается в энциклопедическом словаре. Раневская, выслушав план Лопехина, недоумевает: «Вырубить? Милый мой, простите. Вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, то это только наш вишневый сад».

Лопехин: «Замечательного в этом саду только то, что он большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает».

Однако устами старого слуги Фирса мы знаем: «В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...» Брат Раневской Гаев его обрывает: «Помолчи, Фирс». Но Фирс не молчит, продолжает, чувствуя свою правоту: «И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...» Любовь Андреевна Раневская: «А где же теперь этот способ?» Фирс: «Забыли. Никто не помнит».

Знакомый Чехова - журналист и критик А. В. Амфитеатров поместил в газете «Русь» статью о «Вишневом саде» в постановке Московского Художественного театра. Он писал: «Вчера панихидный колокол театра звонил торжественно и скорбно: отпевали в «Вишневом саду» российского интеллигентного, но оскуделого дворянина, хоронили эстетическую, но праздную и неприкладную «жизнь вне жизни», поставили памятник над могилою симпатичных белоручек-орхидей, отцветших за чужим горбом. Да, они симпатичны, эти гибнущие бессильные белоручки-орхидеи! Симпатичны и жалки».

Говоря о постановках чеховских пьес, современники обращали внимание на их особое настроение. Появилось выражение «инсценировка чеховских настроений» или «драма настроения». О значении настроения в творчестве писателя неоднократно писала известный московский исследователь творчества Чехова Алевтина Павловна Кузичева. Изучая материалы русской театральной критики, собранные А. П. Кузичевой, легко найти тому подтверждение.

Может быть, такое ощущение возникает оттого, что драматургия Чехова похожа на повести в лицах? В среде современников Чехова бродили слова Л. Н. Толстого о том, что он не признает в нем драматурга, хотя при этом очень любит его произведения. «Но чеховские драмы хороши, как чеховские рассказы!» - возражали ему. Толстой, говорят, отвечал: «Ну, да! Это и есть не драмы, а рассказы».

Пьесы Чехова возбуждали в обществе много эмоций. О них говорили актеры, зрители, читатели, критики, писатели. Рассуждения, нападки, недоумения, восторги - и все это одновременно. Но шаг за шагом, постановка за постановкой, и они становились понимаемыми и любимыми произведениями. Новый театр Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского дал пьесам Чехова такое сценическое воплощение, мощное эхо которого слышно по настоящий день. Многие в пьесе услышали мотивы новой жизни и то, что немцы называют непереводаемым словом «Sehnsucht» (тоска духа).

Пожалуй, дальше всех пошел студент Казанского университета Виктор Барановский. В марте 1904 года он прислал Чехову два восторженных письма. Если в первом письме он восхищается «вечным» студентом Петей Трофимовым, речи которого «страстные, смелые, бодрые» и призывы к жизни «живой, новой жизни, не к мертвой», призыв к «энергичной и кипучей работе, к отважной, неустрашимой борьбе», то во втором признается в собственном переосмыслении пьесы. В. Барановский писал: «Какого же дурака сваяла наша цензура, допустившая к представлению и напечатанию такую вещь! Вся соль в Лопухине и студенте Трофимове. Вы ставите вопрос, что называется, ребром, прямо, решительно и категорически предлагаете ультиматум в лице этого Лопухина <...> Вопрос этот - тот самый, который ясно сознавал Александр II, когда он в своей речи в Москве накануне освобождения крестьян сказал, между прочим: «Лучше освобождение сверху. Чем революция снизу». Вы задаете именно этот вопрос: сверху или снизу?.. И решаете его в смысле «снизу». <...> Вашу пьесу можно назвать страшной, кровавой драмой, которая, не дай Бог, если разразится. Как жутко, страшно становится, когда раздаются за сценой глухие удары топора!! Это ужасно, ужасно!

Волос становится дыбом, мороз по коже!.. Как жалко, что я не видел Вас никогда и никогда не сказал с Вами ни одного слова! Прощайте и простите, дорогой, любимый Антон Павлович! Вишневый сад - это вся Россия. Ваш В. Барановский».

На самом деле сад - полиморфный символ. Это и возделанное сознание, и символ совершенства, если иметь в виду исторические висячие сады Семирамиды. Можно также сказать, что вырубкой вишневого сада Чехов предугадал будущие потрясения России...

Премьера «Вишневого сада» 17 января (по ст. стилю) 1904 года совпала с днем рождения писателя и состоялась в Художественном театре. В антракте после 3-го акта Антона Павловича чествовали по случаю двадцатипятилетия его литературной деятельности. Чехов о предстоящем празднике ничего не знал, в театр он как раз и приехал к 3-му акту. Сославшись на требования зрителей, его попросили выйти на сцену. Любимого писателя приветствовали от Общества любителей российской словесности, от журналов «Русская мысль», «Детское чтение», «Педагогического листка», от Литературно-художественного кружка и не только. Выступавшие говорили тепло, содержательно: «... Вы, как прежде Пушкин, Гоголь, Тургенев, ответили жизни только правдою, не желаящею ни учить, ни утешать». Или: «Счастье приветствовать любимого, родного писателя, создавшего новую чудную страницу великой книги русской литературы».

Сам Антон Павлович в эти минуты не был весел, он стоял бледный, худой и не мог унять кашля. К. С. Станиславский вспоминал: «... у нас болезненно сжалось сердце. Из зри-

тельного зала ему крикнули, чтобы он сел. Но Чехов нахмурился и простоял все длинное и тягучее торжество юбилея, над которым он добродушно смеялся в своих произведениях. Но и тут он не удержался от улыбки. Один из литераторов начал свою речь почти теми же словами, какими Гаев приветствует старый шкаф в первом акте: «Дорогой и многоуважаемый... (вместо слова «шкаф» литератор вставил имя Антона Павловича) - приветствую вас... - и т. д.

Антон Павлович покосился на меня - исполнителя Гаева, - и коварная улыбка пробежала по его губам».

В этой своей последней пьесе Чехов выразил надежду: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной». Разбивая ялтинский сад, писатель шутил, что преобразовал дикое место, приговаривая при этом, что через триста-четырееста лет вся земля превратится в цветущий сад. Хочется разделить оптимизм Чехова. Ведь это он советовал говорить человеку «мой ангел, а не пускать ему дурака, хотя человек скорее дурак, нежели ангел».

Мы здесь в Таганроге, на родине Чехова, твердо знаем, что в нашем крае не перевелись вишневые сады.

И знаем, что в пригороде Лондона растет вишневый сад профессора Дональда Рейфилда, саженцы для которого он привез из России. Поступок профессора Рейфилда - автора документальной биографии Чехова - нас не удивляет.